

Б. Адрианов

МЕТАФИЗИКА ЧЕЛОВЕКА¹

Глава IV

ТОНКОЕ ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА И ЭНТЕЛЕХИЯ

Продолжим рассмотрение метафизических истин о человеке. Обратимся к третьему дню творения: «И сказал Бог: да соберется вода, которая под твердью, в одно место, и да явится суша. И стало так. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо» (Бытие, 1, 9–10).

Итак, на третий день «вода, которая под твердью», была разделена на две субстанции – моря и сушу. Выражаясь современным языком, можно сказать, что в мире было создано вещество или «тела земные» (1 Кор. 15, 40) и энергия или силовые поля. Соответственно тело человека было разделено на две субстанции – тело вещественное или просто тело и «тело тонкое». «И ангел, и душа, и демон суть неким образом тело очень тонкое, но тем не менее с характерными особенностями своего естества» (прп. Макарий Египетский) (1).

Так на третий день было сотворено второе неполное триединство человека – частное триединство души, тонкого тела и тела. Напомню первое неполное триединство – это триада духовного, идеального и плотского, а онтологическое триединство человека – это триединство личности, сущности (природы, естества) и жизненности.

Поскольку о душе и теле мы уже говорили во II главе, остановимся на характеристике тонкого тела человека. Начнем с истории.

§ 2. Тонкое тело человека было хорошо известно многим народам и культурам. Египтяне называли его «светозарным телом», пифагорейцы – «колесницей души», римляне – «оживляющим принципом», герметисты и оккультисты – «формирующим посредником», Парацельс и его школа – «астральным телом».

Некоторые св. Отцы первых веков (Татиан, Тертуллиан*, Ириней Лионский, Макарий Египетский, Августин, Кассиан Римлянин**) называли тонкое тело душой, но такой, которая,

¹ Продолжение. См. «ЧАСЫ» № 58.

* «Душа не вещественна, но вместе с этим тело; отвержение ее телесности было вместе отвержением существования ея» (Тертуллиан) (2).

* * «Ангелы, Архангелы и прочие Силы, также самая душа наша... имеют собственное тело, в котором существуют, хотя несравненно тончайшее нашего тела» (прп. Кассиан Римлянин) (3).

в отличие от души первого дня творения, имеет форму или образ. Святые Отцы обычно ссылались в этих случаях на тексты Нового Завета (Лк. 16, 23) и (Откр. 6, 9).

В притче о богаче и Лазаре говорится о том, что после смерти души их узнали друг друга, что было бы невозможно, если тонкое тело (душа) не имело бы какой-то формы. И в Откровении Иоанна Богослова мы читаем: «Я увидел души убиенных».

Уже относительно недавно (XIX век) еп. Игнатий (Брянчанинов) писал: «Душа – эфирное, весьма тонкое, летучее тело, имеющее весь вид нашего грубого тела, все его члены, даже волосы, его характер лица, – словом, полное сходство с ним» (4).

Как известно, это вызвало несогласие со стороны еп. Феофана Затворника, который «в своих возражениях подчеркивал всего более простоту души». Прот. Г. Флоровский, касаясь этого спора и явно симпатизируя еп. Феофану, писал о том, что «вряд ли возможно считать сознание или совесть только чем-то «эфирным» (5).

Однако по сути вопроса больше прав еп. Игнатий. Дело в том, что душа не существует отдельно от тела или тонкого тела. Лишь в мысли возможно такое отделение души. Во II главе мы тоже были не точны, когда говорили, что смерть первая есть отделение души от тела. Строго говоря, это есть отделение души и тонкого тела от тела.

У католиков было введено даже специальное понятие для обозначения того, что покидает тело, – «отделенная душа» (6).

Мы будем называть душу и тонкое тело греческим словом «энтелехия» во избежание словесной путаницы вследствие многообразного понимания слова «душа».

Еп. Игнатий писал о душе на основании святоотеческого опыта: «Прп. Антоний видел душу прп. Амуна, уносимую ангелами после его смерти на небо». * Братия пустыни видели душу умершего аввы Анувия и аввы Пафнутия» (8).

Св. Бенедикт увидел душу св. Германия Капуанского, относимую ангелами на небо в огненном шаре (Св. Григорий «Собеседования»). Жители о-ва Еловый видели душу св. Германа Аляскинского, восходящего на огненном столпе. Аэндорская волшебница видела пророка Самуила, которого вызвала из могилы по просьбе царя Саула: «И сказал ей царь: не бойся, скажи, что ты видишь? И отвечала женщина: вижу как бы бога, выходящего из земли. Какой он видом? – спросил у нее Саул. Она сказала: выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду. Тогда узнал Саул, что это Самуил, и пал лицом на землю» (1 Цар. 28, 13–14).

Факты вызывания душ умерших были общеизвестны и в глубокой древности. Об

* «...однажды, пребывая в горе и возведя взор, видит Антоний, что возносится некто по воздуху к великой радости встречающих его. Потом начинает он молиться, чтобы открыто ему было, что это значит. И вдруг приходит к нему глас «Это душа Амуна Нитрийского инока». А расстояние от Нитрии до горы, где жил Антоний, было тринадцать дней пути» (7).

этом мы можем заключить по запретам Моисея обращаться к вызывающим мертвых: «Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам не ходите, и не доводите себя до осквернения от них» (Лев. 19, 31). «Не должен находиться у тебя... обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых» (Втор. 18, 10–11).

§ 3. Говоря выше о тонких телах окружающего нас мира, я намеренно сузил его до природных сил вселенной, поскольку существование физических полей ни у кого не вызывает сомнений и автономность энергии и переход ее в вещество и обратно – признаваемый всеми научный факт.

В то же время невидимость радиоволн или гравитации хорошо иллюстрирует относительную невидимость тонкого мира. Однако природными физическими полями не исчерпывается окружающий нас тонкий мир. Существенную, если не главнейшую часть его составляют различные духи, начиная от Ангелов и кончая демонами. Конечно не все, а лишь какая-то часть ангельских сил функционально связана с тонким миром. Не случайно на природу ангелов существуют диаметрально противоположные точки зрения, от крайне спиритуалистической, по которой они сугубо духовны и абсолютно невещественны, как и Бог, до утверждения их определенной вещественности, хотя и отличной от нашей.

Я не хочу сейчас полемизировать, хотя стоит напомнить, что только Бог есть Дух и ничто в тварном мире не может быть сравниваемо с Ним в этом отношении. «Бестелесным и невещественным, – говорит св. Иоанн Дамаскин, – называется ангел по сравнению с нами. Ибо все, в сравнении с Богом, единым, несравнимым, оказывается грубым и вещественным. Одно только Божество в строгом смысле невещественно и бестелесно» (9).

Однако нам сейчас важнее уяснить тот факт, что тонкий мир заселен или представлен различными обитателями и духами прежде всего.

Когда я говорю о духах, то, естественно, это ничего общего не имеет с духом или высшим в человеке (о чем мы говорили в главе II), и поэтому нам надо уточнить это понятие.

«Под общим названием духа сказано в Священном Писании о многом и различном. И Ангел называется духом; и душа называется духом; и этот дующий ветер называется духом; и демон-противник называется духом. Остерегись же, и, услышав это слово, не прими по сходству наименования одного вместо другого. О душе нашей говорит Писание: «Изыдет дух его, и возвратится в землю свою» (Псал. 95, 4). Опять говорит оно о душе: «Созидает дух человека в нем» (Захар. 12, 1). Об Ангелах же говорит в Псалмах: «Творят Ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный» (Псал. 63, 4). О ветре говорит: «Духом бурным сокрушили корабли Фарисейские (Псал. 47, 8).

Наименованием дух обозначается также грех, как мы сказали выше, но в другом и

противном знаменовании, например, когда говорится: «духом блуждения прельстишася» (Ос. 4, 12). Называется также духом нечистый дух, демон, но с этим дополнением – нечистый. К каждому слову дух присоединено слово, которым изображается качество духа. Если Писание говорит о человеческой душе дух, то с присовокуплением человека; если говорит о ветре, то выражается: дух бури; если знаменует грех, – говорит дух блуждения; если означает демона, – называет его духом нечистым, чтобы мы знали, о каком именно предмете идет речь и чтоб мы не подумали, что это говорится о Святом Духе. Да не будет!» (Св. Кирилл Иерусалимский) (10).

§ 4. Здесь мы должны сделать остановку в последовательном толковании шестиднева, т. к. коснулись понятий, существенно выходящих за пределы первой главы книги Бытия: грех, падшие души. В то же время, не пояснив их, нам трудно продолжать наше антропологическое рассуждение.

С каждым днем творения мы все ближе к современному человеку, но разница между человеком первозданным и падшим все увеличивается и все больше закрывает райского человека. Наступило время остановиться на этих искажениях метафизики человека. Конечно, всего мы коснуться не можем и потому затронем самое главное.

Два важнейших события отделяют падшего человека от райского, и оба привели к существенным изменениям метафизического строения человека, далеко не одинаковых по своим последствиям. Правда, как ни исказили они человека и мир, в принципе они не изменили замысел Божий о человеке, т. е. его онтологическое триединство, ни частных его триединств, ни его двуединства, и, тем не менее, перед нами уже в чем-то другой человек.

Первое событие, наиболее существенно сказавшееся на метафизике человека – это грехопадение Адама. Среди его последствий для нас наиболее важно одно, а именно облачение первых людей «кожными ризами» (Быт. 3, 21). С «ризами» связана дебелисть или грубость вещественного тела в человеке, в чрезвычайной степени ослабившая специфические проявления тонкого тела. Из этого вытекают все основные отличия современного и райского человека, чрезвычайно затрудняющие понимание многих вопросов, связанных с энтелехией.

Однако это не все. Не только первые люди согрешили и нарушили богосозданный порядок творения. Раньше их согрешил «денница», один из высших ангелов. Ему последовало и с ним ниспало с неба множество подчиненных ему духов. Отсюда и слова евангелиста Иоанна: «Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил» (1 Ин. 3, 8).

Падшие духи создали особое, хотя и зависимое от Бога, царство. Евреи называли его

«шеол» и «геенна», греки – «тартарис» и «гадес», латиняне – «инфернус» и «оркус», славяне – «преисподней». В святоотеческой литературе царство падших духов иногда называют «воздушной» сферой бытия, вероятно, потому, что падшие духи могут свободно действовать в воздушном пространстве, не скованные, как мы, вещественным телом. Отсюда и название первого падшего ангела – «князь власти воздушная» (Еф. 2, 2). Другие названия этого падшего духа – диавол (клеветник, наветник), сатана (противник, обольститель), князь бесовский, вельзевул, древний змий, дракон.

Где же расположено царство падших духов? В метафизическом смысле дальше от Бога, чем самая далекая от Него сфера бытия – плотская, и, таким образом, помимо духовной (небесной), идеальной и плотской сфер бытия, можно выделить теперь еще и греховную сферу бытия или преисподнюю.

Для человека греховная сфера бытия характеризуется извращением или деградацией всех естественных чувств, мыслей, желаний и поступков. Поддавшись им, он, живя на земле, внутренне становится обитателем преисподней или, можно сказать, выводит ад на земле, распространяя на ней власть князя бесовского. Напротив, «просветленный человек достигает вечных вершин... и еще здесь на земле становится живым чудом. И даже не будучи на небе, он соучаствует с небесными силами в непрестанном песнопении, уподобляясь на земле ангелу» (Святитель Григорий Палама) (11).

Когда же человек низводит ад на землю? А тогда, когда утоление голода превращается в чревоугодие и гортанобесие, брак вырождается в многоженство и прелюбодеяние, мужество – в дерзость, смирение – в раболепство, ревность в вере – в фанатизм, лиричность – в сентиментальность, щедрость – в расточительство, простота – в примитивизм, любовь к Богу и людям – в любовь к себе.

Существуют две сферы греховного бытия.* Для первой характерно господство плотских грехов, для второй – бездуховный идеализм или господство в человеке идеального над духовным. В последнем случае плоть может быть подчинена идеальному, и потому порочность человека внешне незаметна.

* Не будем путать степень греховности или степени порабощения человека грехом с уровнями греховности. В каждой сфере существует несколько степеней греховности. Как известно, св. Отцы усматривали в нашей соблазненности грехом несколько стадий. Так, в частности, они говорили о «сочетании», «сложении» и «пленении» грехом. «Сочетание» есть собеседование с явившимся (греховным) образом, по страсти или бесстрастно; «сложение» же есть согласие души с представившимся помыслом, соединенное с услаждением; «пленение» есть насильственное и невольное увлечение сердца, или продолжительное мысленное совокупление с предметом, разоряющее наше доброе устройство», – пишет преп. Иоанн Лествичник. Далее он продолжает: «Борьбою называют равенство сил борющегося и боримого в брани, где последний произвольно или побеждает или бывает побеждаем; страстью называют уже самый порок, от долгого времени вгнездившийся в душе и чрез навик сделавшийся как бы природным ее свойством» (12). В человеке образуется тогда, по словам ап. Павла, «тело греховное» (Рим. 6, 6), которое в дальнейшем толкает его на поступки, которые он не хочет делать, но делает: «Доброе, которое хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим. 7, 19–20).

О плотских страстях говорилось и говорится много, а вот о грехах бездуховного идеализма услышишь не часто. Не всегда они ясно различаемы между собой. К примеру, убийство есть плотский грех и по определению католиков смертный. Но убийство убийству рознь.

Уничтожение миллионов людей в печах крематориев, главную ответственность за которое несут несколько человек, если не один, нельзя сравнить ни с каким убийством, и дело не только в несопоставимости количества жертв. Одно убийство зарождается в греховной плоти, другое – в греховной идеальности, или идеальности, поставившей себя над духовным и над плотским.

Для первого нередко возможно раскаяние до того, как убийца пойман и предстал перед судом. А кто раскаялся в массовых убийствах?

Греховный соблазн не признавать власти или главенства духовного над идеальным – давнего происхождения. В частности, он имел место у великого идеалиста из язычников. Вспомним некоторые «идеи» Платона, провозглашенные в «Государстве».

В его идеальном, а по существу чисто полицейском государстве упразднялась частная собственность, уничтожались «басни», сочиненные Гесиодом и Гомером, и все то, что могло вызвать представление о несправедливости богов, вызвать страх, уныние или неуважение к начальству. В идеальном обществе Платона дети с рождения не знали не только отцов, но и матерей и находились на попечении всех кормящих женщин. Был предусмотрен строжайший биологический контроль, включая тщательный отбор властями родителей и уничтожение детей от «соединений», не санкционированных начальством. Гитлеру было далеко до «гуманистических» идей великого эллина!

Для идеального, порвавшего с духовным, характерна и безграничная жажда власти (личной или коллективной). Не случайно именно в эпоху Возрождения появляется печально известное сочинение Макиавелли об «идеальном» правителе и «идеальных» способах завоевания и удержания власти, вдохновившее многих тиранов и деспотов последующих времен. Вот эта двойственность идеального в человеке (когда оно подчинено духу и когда главенствует над ним) была причиной того, что многие христиане вообще отвергали эллинскую культуру (Тертуллиан, Татиан), тем более, в те времена, когда для большинства людей духовное не очень отличалось от идеального. Потребовалось много веков, научивших человека видеть высшее в духе, чтобы частично «реабилитировать» идеализм древних, т. е. найти ему подобающее место в жизни человека.

Ну а почему нельзя прожить вообще без духовного, без идеального и без греховных сфер бытия – одним «здоровым» плотским?

Как уже говорилось выше (см. главу III), человек одновременно существует в трех

сферах бытия. Именно таким его создал Бог, таков закон его жизни, который он не волен отменить. Тем самым человек или выше, или ниже плотского, чисто биологического существования. Другими словами, он «свой» либо ангелам, либо злым духам, откуда и известные слова св. Григория Нисского: «Человечество состоит из людей с лицом ангела и из людей, носящих маску зверя».

Отсюда вся наивность, а главное ложность и в конечном итоге гибельность любого опрощения, будь то в духе Ж.-Ж. Руссо или Л. Толстого.

Человек добровольно или по принуждению отказавшийся от христианства и от культуры, становится проводником бесовского и демонического. Какие бы благие намерения он не имел вначале, нарушение метафизического закона о человеке делает его лжеучителем, лжеапостолом, противником подлинно духовного и идеального в человеке. Не случайно Л. Толстой «переписал» Евангелие и по существу стал основателем новой церкви – «толстовства», может быть, вопреки своему первому желанию чистой и осмысленной жизни.

Однако человек не может жить не только в одной или в двух сферах бытия, но и в четырех или пяти одновременно, все по тому же закону о трех сферах бытия. И потому грех закрывает от человека сначала духовную, а затем и идеальную сферу бытия.

Изгнание человека из рая говорит о закрытости для него духовного, и потому, когда говорят о «первородном» грехе, которому подвержены все потомки Адама, то прежде всего имеют в виду нашу жизнь вне рая, в условиях, которые Творец не создавал для людей, но в которые они попали, нарушив союз (завет) с Богом преслушанием и нераскаянностью.

Конечно Бог не оставил людей и заключил с ними другие союзы вплоть до Нового Завета Господа нашего Иисуса Христа, и основал, если можно так выразиться, филиал рая на земле – Свою Церковь.

Без признания Иисуса Христа единственным Посредником, Примирителем и Ходатаем за людей, без признания в Иисусе Христе нашего Искупителя мы – вне рая, как здесь на земле, так и в загробном существовании. Другими словами, вне Церкви Христовой нет спасения от греховных сфер бытия, и вхождением в Церковь, которое совершается крещением, мы снова открываем для себя духовное и уходим от фатальной власти греха.

§ 5. Падшие духи не просто средоточие зла, лжи, нечистоты и гордыни, они активные противники Бога и человека и постоянно нацелены на наше соращение. «Диавол, яко лев рыкая, ходит, ища кого поглотити» (1 Петр. 5, 8).

Еп. Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Как люди, возлюбившие свое падение, свою греховность, употребляют все меры, чтобы привлечь всех людей в свое направление: так в особенности заботятся об этом падшие духи. Они совершают дело погубления людей с

несравненно большим успехом, чем злонамереннейшие люди. Повреждение людей заключается в смешение в них добра со злом; повреждение падших духов заключается в полном преобладании зла, при совершенном отсутствии добра. Способности падших духов далеко превосходят способности падших людей, которые связаны в своих начинаниях самою тяжестью и дебелистью своего тела. Демоны свободно и быстро обтекают вселенную, свободно совершают и таким дела, которые вовсе невозможны для людей (Иов 1, 7). Люди должны поневоле удовлетвориться тою опытностью во зле, которую они обретают во время краткой земной жизни; их злые намерения уничтожаются сами собой в тот час, когда они поневоле оставляют поприще земной жизни, будучи востребованы на суд Божий и в вечность. Демонам, напротив того, предоставлено пребывать на земле со времени их окончательного падения (Быт. 3, 14) до кончины мира: всякий легко может представить себе, какую опытность в творении зла стяжали они в такое продолжительное время, при их способностях и при постоянной злонамеренности, нисколько не растворенной никаким благим стремлением, или увлечением» (13).

Если бы Творец не лишил подавляющее большинство людей чувственного или непосредственного видения духов, последствия этого были бы для нас плачевными. «Ризы кожные, по объяснению святых Отцов, означают нашу грубую плоть, которая при падении изменилась: утратила свою тонкость и духовность, получила настоящую свою дебелисть. Хотя начальной причиной изменения и было падение, но изменение совершилось под влиянием Всемогущего Творца, по неизреченной Его милости к нам, к нашему величайшему благу. Между прочими полезными для нас последствиями, истекающими из состояния, в котором ныне находится наше тело, мы должны указать на то, что чрез допущение дебелисти нашему телу, мы сделались неспособными к чувственному видению духов» (14).

Отсюда следует важнейший вывод: мы не должны стремиться самовольно проникнуть в тонкий мир.

К сожалению, оскомина материализма и позитивизма привела к тому, что тонкий мир стал для некоторых притягательной тайной, сулящей неизведанное и чудесное. Отсюда массовый интерес к оккультизму, спиритизму, НЛЮ и «инопланетянам». Все это чревато большими опасностями для человека.

Господь предписал нам стремление к высшему, в первую очередь в той области человеческого бытия, к которой мы призваны. Стремление самостоятельно проникнуть в тонкий мир идет вразрез с этим требованием и почти обрекает человека на встречу с нечистыми духами. По причине нашей неопытности мы легко становимся их пленниками. Еп. Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Мысль, что в чувственном видении духов заключается что-либо особенно важное, ошибочна. Чувственное видение, без духовного, не доставляет

должного понятия о духах, доставляет одно поверхностное понятие о них, очень удобно может доставить понятия самые ошибочные, и их-то наиболее и доставляет неопытным и зараженным тщеславием и самомнением. Духовного видения духов достигают одни истинные христиане, а к чувственному наиболее способны люди самой порочной жизни. Кто видит духов и находится в чувственном общении с ними? Волхвы, отрекшиеся от Бога и признавшие богом сатану: люди, предавшиеся страстям, и для удовлетворения их прибегшие к волхвам, при посредстве их вступившие в явное общение с падшими духами, что совершается под неперменным условием отречения от Христа; люди, истощенные пьянством и развратною жизнью; подвижники, впавшие в самомнение и гордость; весьма немногим являются духи по поводу какого-либо особенного обстоятельства в жизни. В последних двух случаях человек не подлежит порицанию» (15).

Для того, чтобы убедить читателей в том, что чувственное видение духов не несет с собой ничего возвышенного, приведу характерный пример: «Один святой пресвитер первых веков христианства по причине чистоты и незлобия при служении Божественной Литургии постоянно сподоблялся видеть Ангела, который стоял близ его. Посетил пресвитера странник-диакон. Пресвитер предложил диакону совершить с ним бескровное жертвоприношение. Когда они начали священнодействовать, диакон заметил пресвитеру, что он при молитвах произносит слова, в которых заключается еретическое богохульство. Поразило пресвитера замечание. Он обратился к Ангелу, который тут присутствовал и спросил его: «Справедливы ли слова диакона?». Ангел отвечал: «Справедливы». «Почему же, – возразил пресвитер, – ты, находясь при мне столько времени, не сказал мне этого?» – «Богу угодно, чтоб человеки наставлялись человеками», – отвечал Ангел. Постоянное общение с Ангелом не препятствовало святому пресвитеру коснеть в погибельном заблуждении» (16).

Еп. Игнатий далее пишет: «Видение чувственными очами духов приносит всегда больший или меньший вред тем людям, которые не имеют духовного видения или различения духов. Здесь, на земле, образы истины перемешаны с образами лжи (Св. Исаака Сирского Слово 2), как в стране, в которой перемешано добро со злом».

Напомню, что даже явление Ангелов идолопоклонникам или людям порочной жизни не приносит им никакой пользы.

«Идолопоклонник, лжепророк и волхв Валаам видел явно на пути святого Ангела и беседовал с ним; по внушению этого Ангела произнес истинное пророчество, пророчество Божовдохновенное об израильском народе, но это не принесло ему никакой пользы: он пробыл в своем нечестии, дерзнул действовать враждебно определению Божию и подвергся казни с врагами Божиими» (Числ. 22, 23–24, 31).

«Саул, царь израильский, явно не отступивший от Бога, но часто преступавший

повеления Божии, что вменено ему в отступление (1 Царств 15, 22–23), довершил свои беззакония общением с волшебницей. Он знал, что волшебство есть тяжкий грех, ибо предал смерти всех волшебников в земле израильской; но, увлекшись своим поведением, решился на поступок, явно Богопротивный. Желая узнать, какой исход будет иметь сражение, в которое он намерен вступить с филистимлянами, Саул просил волшебницу, чтоб она вызвала из шеола душу почившего пророка Самуила для совещания с ним. Волшебница исполнила это. Явившийся на призыв ее из подземных темниц пророк предсказал царю поражение и смерть в битве. Саул, вместо того, чтоб погрузиться в покаяние, впал в отчаяние; явление пророка и предузnanие будущего вместе пользы принесло ему величайший вред» (17).

Итак, пусть не мнят о себе увидевшие чувственно духов, даже святых Ангелов: это видение одно, само по себе, нисколько не служит свидетельством о достоинстве видевших: к нему способны не только порочные люди, но и самые бессловесные животные: «Валаам встал поутру, оседлал ослицу свою и пошел с князьями Моавитскими. И воспылал гнев Божий за то, что он пошел, и стал Ангел Господень на дороге, чтобы воспрепятствовать ему. Он ехал на ослице своей и с ним двое слуг его. И увидела ослица Ангела Господня... и своротила... с дороги, и пошла на поле...» (Числ. 22, 21–23).

§ 6. Сказанное о падших душах не должно, однако, внушать излишний страх перед демонами. Если у нас почему-либо отверзлись чувства тонкого тела и мы увидели нечистых духов, мы должны не пугаться их, а сохранять полное самообладание.

Преп. Антоний Великий учит: «С пришествием Господа на землю, пал враг, силы его сокрушились. Как низверженный тиран, не могущий сделать ничего, он никак не может оставаться спокойным и, по крайней мере, угрожает словами. Каждый из вас должен знать это; каждый из вас, на основании этого знания, может презирать демонов... Утвердимся в мысли, что отнюдь не должно страшиться их. Если б они имели какую-либо власть, то не приступали бы шумом в разных привидениях, не устраивали бы ковов, изменяя образы; было б достаточно одного из них, чтоб исполнить желаемое им и возможное для него. Имеющий власть убить приступает не в пустом привидении, не приводит в ужас шумом и мятежом, но действует свободно по власти своей. Истинный Ангел, посланный Господом против ассириян, не нуждался ни в шуме, ни в поразительной обстановке, ни в стуке, ни в плескании руками: спокойно действуя по данной власти, он убил в течение самого скорого времени сто восемьдесят пять тысяч воинов (4 Цар. 19, 33). Не имеющие же никакой силы – каковы демоны – стараются лишь привести в ужас суетными привидениями. Должно страшиться одного Бога: демонов должно презирать и нисколько не бояться» (18). Зная это, нечистые духи пытаются действовать обманом, могут даже давать благочестивый совет, однако «мы

должны не внимать демонам, – учит преп. Антоний Великий, – как чуждым нам, не слушаться их ни в чем, хотя бы они возбуждали нас к молитве, хотя бы поучали посту». Даже если демоны говорят сущую правду, мы не должны внимать им.

В Деяниях апостолов мы читаем: «Когда мы шли в молитвенный дом, встретила нас одна служанка, одержимая духом прорицательным. Идя за Павлом и за нами, она кричала, говоря: сии человека – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения. Это она делала много дней. Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел тот же час» (Деян. 16, 16–18).

Св. Иоанн Златоуст, комментируя этот текст, пишет: «И что же говорил дух худого, когда говорил: сии человеки – рабы Бога Всевышнего? Но так как большинство незнающих не может основательно судить о том, что говорится демонами, Апостол решительно отверг всякую доверенность к ним. Ты принадлежишь к числу отверженных, говорит Апостол демону: ты не имеешь права говорить свободно; умолкни, онемей. Не твое дело проповедовать, это предоставлено Апостолам. Зачем похищаешь не твое? Умолкни, отверженный. Так и Христос, когда демоны говорили Ему: «Знаю Тебя, кто Ты, Святой Боже» (Мк. 1, 24), очень строго воспретил им, предписывая этим закон нам, чтоб мы ни под каким предлогом не доверяли демону, если бы даже он говорил, что справедливо. Зная это, мы должны ни в чем решительно не верить демону. Если он будет говорить, что и справедливо, – бежим, отвергнемся от него. Здравым и спасительным познанием мы должны научиться не от демонов, но из Божественного Писания» (19).

§ 7. Приводя выше высказывания о чувственном видении духов, мы упомянули о людях по «естественному сложению» способных к этому. Именно через этих людей мы должны понять, как проявляют себя чувства тонкого тела в наше послерайское время. Приведем несколько примеров.

«Прп. Сергей Радонежский трапезовал с братией монастыря. Вдруг он поднялся из-за стола, сделал поклон на запад и сказал: «Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и благословение Господне да будет с тобой». Братия с удивлением спросили: «Кому говоришь ты, отче святой?» Преподобный ответил: «Сейчас против монастыря в восьми верстах остановился епископ Пермский Стефан, едущий в Москву, он сотворил поклон Святой Троице и сказал: "Мир тебе, духовный брат". Вот я и ответил ему». Некоторые из монахов поспешили к тому месту и догнали святители Стефана. Он подтвердил сказанное прп. Сергием» (20).

«Из Пензы пришла в Саров жена диакона, чтобы видеть прп. Серафима. Она стояла позади толпы, ожидая своей очереди. Вдруг прп. Серафим, оставив других, позвал ее:

«Евдокия, иди скорей сюда». Изумленная тем, что св. Серафим, никогда ее не видевший, назвал ее по имени, Евдокия подошла. «Иди скорее домой, а то не застанешь сына». Евдокия поспешно вернулась в Пензу и едва застала своего сына, отлично закончившего курс семинарии и назначенного в Киевскую Академию, в которую он боялся опоздать» (21).

Из «Жития прп. отца нашего Антония Великого»: «Шли два брата, и, когда на пути недостало у них воды, один умер, а другой был близок к смерти и, не имея сил идти, лежал уже на земле и ждал, что умрет. Антоний, пребывавший в горе, призывает двух бывших тогда при нем монахов и понуждает их спешить, говоря: "Возьмите сосуды с водою и идите скорее на египетскую дорогу. Из двух путников один уже умер, другой скоро умрет, если не поспешите... Монахи идут, находят лежащего мертвеца, передают его погребению, а другого возвращают к жизни водою и приводят к старцу; расстояние же было одного дня пути». (22)

В особых обстоятельствах жизни нечто подобное проявляется и у обычных людей.

«Полковник Н. спал в своей комнате в Лондоне. На рассвете он внезапно проснулся и увидел Пооля, своего товарища по армии, в костюме хаки, каске, с густой черной бородой, которую он не носил, когда его знал Н.

Н. знал, что Пооль был в Трансваале, на фронте. Видение было так отчетливо, что Н. почти принял его за реальность, он видел лицо, живые глаза, костюм хаки, каску. Н. сел на кровати, смотрел на Пооля и говорил с ним. Пооль сказал: «Я убит сквозным ранением в грудь» и, говоря это, медленно поднял руку к груди. «Генерал приказал мне идти».

Н. рассказывал об этом явлении некоторым товарищам и на другой день узнал, что Пооль был убит в сражении. Он носил форму цвета хаки и бороду, был убит сквозным ранением в грудь» (24).

«Миссис Ричардсон в Индии видит во сне, что ее муж – генерал, сражавшийся за 150 миль от нее в кампании 1848 года, – упал тяжело раненый, и слышит его голос: «Снимите этот перстень с моего пальца и отошлите его моей жене». Приблизительно в этот час генерал, очень тяжело раненый, передал команду майору Ллойд и сказал: «Снимите этот перстень с моего пальца и отошлите его моей жене». Генерал перенес свое ранение и выздоровел» (25).

«Мадам Томели в Сан-Мартин однажды вечером, стараясь уснуть, вдруг увидела своего сына, сшибленного каретой и умирающего. Ночью, в бурю она бежит 5 км по дороге Коста да Борге и находит своего сына в рытвине у края дороги» (26).

Описанные случаи называются сейчас «ясновидением». Как видим, это – заурядное проявление тонкого тела, редкое лишь потому, что мы одеты «кожными ризами».

«Отвержение» чувств тонкого тела не следует поэтому считать святостью. В принципе это может случиться с каждым и даже без каких-либо особенных усилий. Ничего высшего здесь нет.

«Люди делаются способными видеть духов, – пишет еп. Игнатий, – при некотором изменении чувств, которое совершается неприметным и необъяснимым для человека образом. Он только замечает в себе, что внезапно начал видеть то, чего доселе не видел и чего не видят другие, – слышать то, чего доселе не слышал. Для испытавших на себе такое изменение чувств, оно очень просто и естественно, хотя необъяснимо для себя и для других; для не испытавших – оно странно и непонятно. Так, всем известно, что люди способны погружаться в сон, но что за явление – сон, каким образом, незаметно для себя мы переходим из состояния бодрости в состояние усыпления и самозабвения – это остается для нас тайною. Изменение чувств, при котором человек входит в чувственное общение с существами невидимого мира, называется в Св. Писании отвержением чувств. «Отверз Бог, – говорит Писание, – очи Валааму, – узре Ангела Божия противостояща на пути, и меч извлечен в руке его» (Числ. 22, 31) (26А).

§ 8. У некоторых людей тонкое тело вместе с душой может при жизни отделяться от тела. Последнее делается тогда недвижимым и бесчувственным – случаи так называемой экстериоризации или явления двойников. В книге «О духе, душе и теле» архиеп. Лука (Войно-Ясенецкий) пишет: «В католической агиологии известен случай Альфонса Лигуори, который 17 сентября 1774 года стал неподвижным и немым в своей келье. Он не принимал никакой пищи и ни с кем не говорил. Потом 22 сентября утром он очнулся и рассказал, что он был при папе, который только что умер. В эту самую ночь с 21 на 22 сентября папа Климент XIV умер, и при нем находился Альфонс Лигуори.

Мы можем привести случай экстериоризации (выхода энтелехии из человека) Оптинского старца Амвросия (умер в 1891 г.). Крестьянка Авдотья, больная ногами, пошла в Оптину Пустынь, ожидая исцеления от старца Амвросия. Не дойдя 7 верст до монастыря, она сбилась с дороги, заблудилась и в слезах упала на сваленное дерево. Вскоре к ней подошел старичок в подряснике и скуфье, спросил, о чем она плачет, и указал клюкой ей дорогу в монастырь. Придя в скит, в котором жил Амвросий, она села в толпе женщин, ожидающих приема у старца. Через несколько минут на крыльцо вышел келейник Амвросия и громко сказал: «Где тут Авдотья из Воронежа?» Авдотья была так поражена, что откликнулась только на второй зов келейника. Минут через 15 она вышла вся в слезах от старца, в котором сразу узнала старичка, указавшего ей дорогу в лесу. Амвросий по своей болезненности выходил из кельи только летом и часто засыпал, постоянно лежа на диванчике. Ни в скиту, ни в монастыре не было никого, похожего на него. А наружность его была очень примечательна, и Авдотья не могла ошибиться» (27).

В житии прп. Антоний Великого читаем: «Однажды... встав помолиться, Антоний

ощущает в себе, что он восхищен умом и, что всего удивительнее, видит сам себя, будто бы он вне себя и кто-то как бы возводит его по воздуху... и вдруг видит он, что как бы возвращается и входит сам в себя и снова делается прежним Антонием» (28).

Однако далеко не у всех энтелехия может отделяться и быть видимой отдельно от тела. Это как раз исключительные случаи, характерные для людей, наделенных Творцом особыми силами и способностями в магической области. Обычно наблюдается другое. Энтелехия по выходе из вещественного тела, еще не осознавая до конца случившееся, пытается вступить в контакт с людьми, которые ее не замечают. Так бывает при случайных смертях от сердечных приступов, при катастрофах и авариях. В последнее время эти случаи стали описываться в книгах, посвященных «внетелесному» опыту людей, переживших клиническую смерть: «Я помню, как вышел из тела головой вперед и как бы парил над углом комнаты. Жена плакала, и я пытался сказать ей, чтобы она взглянула выше, что я всего лишь правее ее. Но она не смотрела на меня. И никто не обращал внимания. Я двинулся назад к двум докторам и посмотрел вниз на свое тело. Одежда была сторовенной, и мое лицо представляло месиво ободранной и обгоревшей кожи. Доктор сказал: «Осилит ли машина четыре сотни?» и положил на мою грудь два металлических диска, от которых отходили провода к машине. Я видел, как мое тело вздрогнуло. Это было тогда, когда я возвратился в тело. Я ощутил боль, как если бы меня в грудь лягнула лошадь» (29).

Возможны и немедицинские способы возвращения энтелехии в тело. В «Луге духовном» читаем: «Пришел старец Агиодул и, увидев тело брата, лежавшее в церкви, опечалился, что не успел проститься с братом перед смертью. Подойдя к одру, он обратился к почившему со словами: «Встань, брат, и дай мне последнее целование». Умерший поднялся и поцеловал старца. «Теперь покойся, сказал старец, пока не придет Сын Божий и не воскресит тебя» (30).

Невольно вспоминается воскрешение Лазаря, воскрешение дочери Наира (Мф. 9, 18), сына вдовы из Наина (Лк. 7, 11), совершенные Иисусом Христом. Однако это много больше, чем простое возвращение энтелехии. Лазарь был уже четверодневен и начинал разлагаться. Все же описанные выше случаи ограничиваются минутами, от силы десятками минут.

Энтелехия может явиться и после смерти, хотя такие случаи редки. Известно свидетельство родственника митр. Филарета (Дроздова) о явлении ему покойного святителя Московского и Коломенского.

«В темную сентябрьскую ночь 1948 г. я был разбужен необычным, как бы фосфорическим зеленоватым ярким светом. Я открыл глаза, полностью проснулся... свет разливался по всей комнате... Услышав шорох возле себя, я спросил: «Кто здесь?» Ответа не было. Тогда я стал всматриваться, откуда бы мог быть такой необычайный приятный свет,

разливавшийся по всей комнате... И вот я вижу собственными глазами... все яснее обрисовывающееся видение. То был небольшого роста старец с большой окладистой бородой, с устремленными на меня горящими, пронзительными глазами. Плечи и голова его были покрыты клобуком с блестящим на нем прямым бриллиантовым крестом. Одет он был в чесучевую рясу.

Опустившись, старец благословил меня большим крестом, высоко поднял руку, и почти до полу наклонившись надо мной, сделал большой шаг вперед, подойдя ко мне ближе, так что я слышал шуршание его рясы, и глядя мне в глаза, спросил:

«Ты узнал меня?»

– Нет, Владыко, я Вас не знаю.

При этом я пришел в состояние оцепенения, я весь похолодел и меня всего трясло от сознания, что я, бодрствуя, вижу въяве перед собой, не во сне, не в забытьи – необычайное, слышу обращенный ко мне вопрос и отвечаю на него.

– Я митрополит Московский Филарет – твой дальний родственник по твоей матери. Перестань дрожать, не малодушествуй, иначе я не могу говорить с тобой. Не бойся, я твой молитвенник и покровитель...» (31).

Характерно, что в свое время митрополиту Филарету за три месяца до смерти явился (правда, во сне) покойный отец и сказал: "Помни девятнадцатое число". Митрополит умер 19 ноября» (32).

Вышеприведенные случаи характеризуют энтелехию, т. е. душу и тонкое тело человека. Существуют и специфические проявления тонкого тела. В первую очередь это т. н. частичная экстериоризация (неверно называемая «материализацией») и непосредственно связанные с ней явления телекинеза. Вот два примера.

«Сэр Вильям Крукс, экспериментировавший со знаменитым медиумом Хоум, видел, как поднялась при дневном свете со стола изящная рука и подала ему цветок. «Она появилась и исчезла три раза, давая мне возможность убедиться, что она так же реальна, как моя собственная рука, а в это время я крепко удерживал руки и ноги медиума. Рука и пальцы не всегда казались мне плотными и точно живыми. Иногда они казались концентрацией облачного пара; светлое облако, как казалось, формировалось и превращалось в совершенную руку. Она казалась такой же человеческой плотью, как и руки присутствующих. У запястья и плеча она становилась подобной пару и терялась в светлом облаке. Я удержал эту руку в своей, твердо решив не выпускать ее, но она без малейшего усилия освободилась и превратилась в пар» (33).

Ш. Рише получал муляжи с таких флюидических рук. Призрак погружал руки в расплавленный при 43°С парафин. Когда рука выходила, оставалась парафиновая форма ее, а

рука исчезала. В форму вливали гипс и снимали парафин. На фотоснимках этих гипсовых муляжей видны все мелкие детали живой кожи, рисунок вен... Руки и ноги медиума крепко удерживались во все время эксперимента» (34).

§ 9. Явление двойников и призраков, а также ясновидение и телепатия, как видим, ничего общего не имеют с вдохновением и боговдохновением, т. е. с духовными и идеальными творческими состояниями человека (см. гл. III).

Святые Отцы не скрывали поэтому свои магические (ясновидческие) способности от учеников, чего не скажешь в отношении духовных экстазов, переживаемых ими.

Однако в наше время многие не чувствуют разницы между духом и энтелехией, между духовными состояниями и способностями тонкого тела. Эта нечуткость заметна даже у архиеп. Луки (Войно-Ясенский) в его уже неоднократно цитированном труде «О духе, душе и теле».

«Просветленный дух святых в полной мере и всегда обладает теми трансцендентными способностями, которые у обыкновенных людей проявляются только в состоянии сомнамбулизма... Это не явления психико-физиологического порядка, а действие духа, временно или окончательно отделившегося от тела... Явления умерших служат, вместе с тем, очень важным, даже неоспоримым доказательством существования духа» (35).

Но особенно смущают людей утверждения телепатов, магов и людей, испытавших «внетелесный» опыт клинической смерти, что ими были открыты величайшие тайны бытия, которые заставили их радикально изменить свою жизнь.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что эти тайны – тайны лишь для атеистов и агностиков, но не для христиан. Большинство из них содержится в элементарном катехизисе. То, что прежде они не верили в ангелов, в ад, в Богочеловека Иисуса Христа, даже в Бога вообще, а теперь уверовали, не есть новые или скрытые от человека тайны. Это азы нашей веры.

§ 10. Коль скоро мы коснулись «внетелесного опыта» людей, переживших клиническую смерть, то остановимся на некоторых спорных или неверных его толкованиях.

С одной стороны, этот опыт подтверждает христианское учение, согласно которому смерть тела не есть конец человеческой жизни, а начало нового состояния человеческой личности, продолжающей существовать отдельно от тела.

Рассеивает он и те предубеждения, которые существуют в среде «просвещенных» либеральных христиан в отношении к житийной литературе, содержащей много подобного материала. В самом деле, вот два отрывка.

«Святая мученица Мавра поведала о себе: в то время, как она пригвождена была ко кресту, явился ей некоторый чудный муж, которого лицо сияло, как солнце. Он взял Мавру за руку и возвел ее на небо. Там показано было мученице блаженство, уготованное ей и ее супругу, участнику ее подвига. После этого светоносный муж привел ее к телу, висевшему на кресте, и сказал: теперь возвращайся в твое тело; завтра же, в час шестый, придут за душами вашими Ангелы Божии» (38).

«И вот пришла смерть, рыжая как лев, видом очень страшная, человеческого подобия, но без тела, составленная из одних нагих костей человеческих... Она растворила в чаше какой-то состав и, приложив к устам моим, насильно напоила меня. Так горько было это питье, что душа моя не смогла вынести его: содрогнулась и выскочила из тела, отторгнувшись от него насильно. Светоносные Ангелы тотчас приняли ее на свои руки. Оглянувшись назад, я увидела лежащее мое тело бездушным, не чувственным и недвижимым. Как бы кто, совлеки одежды и кинувши ее, стоял и смотрел на нее, так и я смотрела на тело мое и дивилась» (39).

Не приходится сомневаться, что это чистая правда. Однако некоторые встречи в тонком мире людьми, пережившими клиническую смерть, безо всякого сомнения являются встречами с «падшими духами», принявшими личину Ангелов, или даже Иисуса Христа. Именно они убаюкивают людей, вселяют в них беспечность и легкомыслие перед лицом смерти, убеждая их в том, что им уготовано в загробном мире безмятежное и счастливое существование, что они могут продолжать жить так, как жили раньше.

Мы уже говорили, что Ангелы не учат людей, а если бы им это было поручено, они бы призывали к покаянию и исправлению жизни, ибо смерть есть предел, которым оканчивается время подвигов для живых и начинается время воздаяния. После смерти нет ни покаяния, ни исправления. Эту истину выразил Иисус Христос Своею притчею о богатом и Лазаре, из которой видно, что тот и другой немедленно по смерти получили воздаяние, и богатый, как ни мучился во аде, не мог через покаяние освободиться от своих страданий (Лк. 16, 26).

Даже святые боятся смерти и чрезвычайно серьезно готовятся к ней. «Когда наступило время кончины преп. Агафона, он пробыл в глубоком внимании к себе, не беседуя ни с кем. Братия спросили его: «авва Агафон, где ты?» – «Я предстою суду Христову», отвечал он. Братия сказали: «неужели и ты, отец, боишься?» – Он отвечал: «Я старался по силе моей сохранять заповеди Божии, но я – человек и откуда знать, были ли угодны дела мои Богу?» – Братия спросили: «неужели ты не уповаешь на жительство твое, которое было сообразно воле Божией?» – «Не могу уповать, – отвечал он, – потому что ин суд человеческий и ин суд Божий». Они хотели еще спросить его, но он отвечал им: «окажите

мне любовь, теперь не говорите со мною, потому что я не свободен». И он скончался с радостью. «Мы видели его веселящимся, – передавали ученики его, – как бы он встречал и приветствовал дорогих друзей» (40).

Великие святые, умирающие при явных знамениях Божией милости, сохраняют трезвенное смирение в отношении своего спасения. «Когда настало время умирать великому Сисою, просветлилось лице его, и он сказал сидевшим у него отцам: "вот пришел авва Антоний". Помолчав несколько, сказал: «вот лик пророческий пришел». Потом просветился более, и сказал: "вот пришел лик апостольский". И опять сугубо просветилось лице его; он начал с кем-то беседовать. Старцы упрашивали его сказать, с кем он беседует. Он отвечал: "Ангелы пришли взять меня; но я умоляю их, чтобы они оставили меня на короткое время для покаяния". Старцы сказали ему: "Отец, ты не нуждаешься в покаянии". Он отвечал им: "поистине не знаю о себе, положил ли я начало покаянию". А все знали, что он совершен. Так говорил и чувствовал истинный христианин, несмотря на то, что во время жизни своей воскрешал мертвых единым словом и был исполнен даров Святого Духа. И еще более засияло лице его, засияло, как солнце. Все убоялись. Он сказал им: "смотрите, – Господь пришел и изрек: принесите мне избранный сосуд из пустыни". С этими словами он испустил дух. Увидена была молния, и храмина исполнилась благоухания» (41).

И последнее. Посмертная личная встреча с Иисусом Христом или Пресвятой Девой Богородицей, после которой человек возвращается назад на землю для исправления, всегда связана с его выздоровлением, как духовным, так и физическим. Был ли у него рак или еще какая смертельная болезнь, все они бесследно проходят (см. об этом Устюжина К. Н. «Барнаульская быль», 1962 г.).

Возвращение с прежними болезнями, как это описано у М. Роолингса или у Муди, всегда заставляет сомневаться, что умершие говорили со Христом. В извинение их нужно сказать, что даже Святые не всегда сразу различают духов. И не только когда падшие духи принимают вид Иисуса Христа, как это случилось с прп. Исаакием Печерским (Четьи-Минеи, житие прп. Исаакия), но и когда они являются в виде светлых Ангелов. Прп. Симеону Столпнику диавол представлялся в виде светлого Ангела с колесницей и конями огненными.

«Услышь, Симеон! – сказал он. – Бог неба и земли послал меня к тебе, как видишь, с колесницею и конями, чтоб взять тебя на небо, как Илию: ты достоин такой чести за святость жития твоего. Уже настал час твой, в который ты должен пожать плоды трудов твоих и принять венец доброты от руки Господа. Иди не падая, раб Господа, да увидишь Творца твоего, да поклонись Творцу твоему, создавшему тебя по образу Своему. Да узрят тебя Ангелы и архангелы, пророки, апостолы, мученики, желающие тебя видеть». Когда искушитель говорил это и этому подобное – бесы многоглаголевы и велеречивы –

преподобный не понял, что имеет дело с обольстителем. Симеон сказал в ответ, обратясь к Богу: «Господи! Меня ли грешного ты хочешь взять на небо? С этими словами он поднял ногу, чтобы вступить в колесницу, а рукой сотворил на себе крестное знамение, от которого диавол и колесница с конями мгновенно исчезли» (41А).

§ 11. Станный восторг испытывают некоторые души, кратковременно расставшиеся с телом. «Мне никогда не забыть того покоя, какой я тогда испытал... Я именно не могу подобрать слов, чтобы выразить то, что хочу рассказать... Я чувствовал тепло и предельный комфорт» (42).

«Я ощутил себя плавающим в долине, где на некотором расстоянии от горы исходил свет. Когда я приблизился к ней, то заметил прекрасные орхидеи и другие цветы, растущие на ее скалистом склоне» (43).

«Я был свободен от боли и очень счастлив. Мне пришло в голову, что если это смерть, то она прекрасна. Но мысль о моей семье помогла мне уцепиться за жизнь» (44).

«Я плавал внутри пространства, похожего на небеса. Здесь было удивительно ярко среди улиц и строений из золота. Затем я увидел фигуру с длинными волосами, в сверкающей белой мантии. Свет осиявал все вокруг Него. Я не мог говорить с Ним. Я уверен, что это был Иисус».

«Я ощутил свободу, покой и именно сверхъестественное ощущение прекрасного самочувствия» (45).

То ли муки и страдания, дряхлость и предсмертная стесненность так невыносимы человеку, что он радуется любой перемене; то ли «пьянит» необычность абсолютно нового и дотоле неизведанного состояния; то ли это глубокая удовлетворенность человека, исполнившего свой долг; то ли даже прелесть и самообольщение, но несомненно, что многие из тех, кто рассказывает о пережитом, не хотят возвращаться назад. Лишь чувство долга, коренящееся в душе, побуждают их к этому.

Говоря о долге, мы невольно затронули вопрос о взаимоотношениях между душой, тонким телом и телом. В нашу задачу не входит их анализ. Мы «обрекли» себя на рассмотрение метафизического состава человека и вынуждены «вынимать» из целого человека одну часть за другой и рассматривать их в отрыве от целого. Отсюда определенная разорванность нашего размышления, которую невозможно избежать.

Тем не менее мы должны отметить, что последнее желание человека перед смертью, будучи удовлетворенным, не задерживает его в этом мире. Вспомним классический случай с Исааком. Отведая в последний раз свое любимое кушанье из дичи, он благословил Иакова и мирно умер. Напротив, неудовлетворенность телесных желаний удерживает человека в этом

мире, не давая ему «спокойно» умереть. Излишняя же привязанность к чему-либо сугубо плотскому или насильственная, а потому преждевременная смерть, удерживает энтелехию даже после смерти. И несчастные «отделенные» души сторожат свои клады, оберегают свои тайны, пытаются отомстить своим обидчикам. В случае преждевременной смерти (самоубийство или убийство) они являются в виде «призраков»*, вызывая своим явлением к христианскому долгу живых: отпеть их по церковному обряду и этим освободить от роковой привязанности к земле. Из этого можно заключить, что идея отпевания органически присуща каждому человеку. Поэтому даже прожив всю сознательную жизнь атеистом, некоторые люди каким-то глубоким инстинктом ощущают потребность хотя бы заочной панихиды об усопшей матери. Говорит об этом и столь же необъяснимое желание исполнить последнюю волю умершего. Казалось бы, что она человеку, для которого все преходяще? Перед живым он не держит слова, а тут перед умершим. Но куда там, слетает шелуха атеизма и последняя воля становится чуть ли не священной. Никакой психологией этого не объяснишь. Глубокий инстинкт, присущий тонкому телу человека, возвращает его к вечным реалиям бытия.

В принципе, у большинства людей до конца жизни сохраняются земные привязанности, мешающие им «спокойно» умереть. Отсюда и особое таинство, установленное Церковью для умирающего человека – Соборование (Елеосвящение), которое и «освобождает» энтелехию от последних земных пристрастий, привязанностей и желаний.

Важность этого таинства видна из того, что по правилу его должны совершать семь священников. (Конечно, не всегда Соборование к смерти, может быть и к выздоровлению, но сейчас я имею в виду то, что католики называют помазание на исходе души).

Заметим, что панихида по умершему нужна и живым. Дело в том, что без нее некоторые не отпетые «отделенные души» беспокоят, а то и роковым образом вмешиваются в человеческую жизнь. Вот два примера.

«У мальчика Рея (2,5 годика) умер восьмимесячный брат. Он неоднократно является ему и зовет. "Мама, – говорит Рей, – маленький братец зовет Рея. Он хочет, чтобы Рей был с ним". В другой раз он сказал: "Не плачь, мама, маленький братец улыбается. Рей пойдет к нему". Рей умер через два месяца и семь дней после своего брата» (47).

«Луиза С. 45 лет умерла от чревосечения. Во время болезни она постоянно просила, чтобы после ее выздоровления к ней в деревню привезли ее трехлетнюю племянницу Лили, которую она очень любила (подчеркнуто мною). Маленькая Лили, вполне здоровая, через месяц после смерти своей тети нередко внезапно прерывала свои игры, подходила к окну и

* «Мисс К. ласкала кошечку, лежавшую у нее на коленях. Вдруг кошечка поднялась в ужасе, выгнула спину и, подняв дыбом шерсть, стала судорожно дышать. Тогда мисс К. увидела, что в кресле близ нее сидит старая мегера с бледным лицом и пристально смотрит на нее. Кошка, точно обезумевшая, бросилась шумным прыжком в дверь. Мисс К. в страхе закричала о помощи. Вошла ее мать, и призрак исчез. Мисс К. видела его минут пять. Как ей говорили, в этой комнате повесилась старая женщина» (46).

пристально смотрела куда-то. Мать спрашивала, на что она смотрит. "Тетя Луиза протягивает ко мне руки и зовет меня". Испуганная мать старалась развлечь ее, но ребенок, не обращая на нее внимания, притащил к окну стул и несколько минут не отрывал глаз от тети, зовущей ее... Вскоре Лили заболела и, лежа в кроватке, смотрела на потолок и говорила, что видит свою тетю, окруженную маленькими ангелами... она постоянно повторяла: "Вот моя тетя. Она пришла за мной и протягивает мне руки..." Она умерла... через четыре месяца после Луизы» (48).

§ 12. Знание о тонком теле человека и понимание, что смерть первая есть отделение энтелехии от вещественного тела, помогает нам лучше понять неясные, а для некоторых и спорные вопросы христианского вероучения.

В частности, становится понятным, как Иисус Христос, когда Его Тело лежало во гробе, проповедовал грешным в аду (1 Петр. 3, 18–20); как видимо для апостолов явились Господу Иисусу Христу Илия и Моисей при Его Преображении на горе Фаворе; что частный суд после смерти совершается над энтелехией и в силу этого не может быть окончательным.

Некоторых христиан смущает вопрос: как воскреснет тело, которое было сожжено огнем или кислотой, или было съедено червями, или использовано для замены больных органов другими. Из вышеприведенного высказывания еп. Игнатия (Брянчанинова) явствует, что тонкое тело несет в себе характерные особенности нашей внешности. Тем самым при гибели вещественного тела остается оригинал, по которому и будет воссоздано новое тело со всеми характерными особенностями нашего «я». При этом не существенно, какие именно химические элементы войдут в него. Ведь и живое тело все время обновляется (по одним данным через 7, по другим – через 9 лет происходит полная замена всего химического состава человека).

Незнание метафизического состава человека было причиной возникновения на Западе в конце средневековья богословского спора о состоянии праведных людей после смерти. Одни богословы в полном соответствии с тем, как учили Ориген, Иларий, оба Кирилла, Иоанн Златоуст, Августин, подчеркивали несовершенный характер блаженства праведных. Папа Иоанн XXII, следуя Апокалипсису, приравнивал даже «отделенные души» к мученикам, нетерпеливо ожидающим под жертвенником того момента, когда число свидетелей станет полным (Откр. 6, 9). В своих проповедях он пошел дальше и утверждал, что душа праведного не пользуется блаженным созерцанием, даже если она сразу же после смерти (минуя чистилище) восходит на небо. В этом же духе еще в XI веке высказывался св. Бернард Клервосский: «Они уже многочисленны, те, которые стоят на паперти в ожидании, чтобы восполнилось число братии: они уже не войдут без нас в Дом блаженства, – хочу этим

сказать, что святые не войдут в него без народа» (49).

Следующий папа Бенедикт XII в своей булле «Benedictus Deus» в противовес Иоанну XXII утверждал, что праведные сразу же после смерти удостоиваются блаженного лицезрения Бога, не ожидая воскресения.

Это, конечно, верно. Покаявшемуся разбойнику Господь сказал: «днесь со Мною будешь в раю» (Лк. 23, 43). Праведный Лазарь тотчас после смерти был отнесен ангелами на лоно Авраамово, где он, получивший злое в земной жизни, теперь утешается.

Но непонимание Бенедиктом XII несовершенства лицезрения Божия до всеобщего воскресения более чем очевидно. Неполнота энтелехии не позволяет человеку достичь этого. В чем-то даже наше душевно-телесное восприятие жизни полнее их «райского». Почему смерть всегда есть и потеря чего-то (даже для святого), что мы вновь обретаем только после воскресения.

Не случайно Пресвятая Дева Богородица пребывает на небе в полноте души, тонкого тела и тела. Поэтому и святые даже на небе ждут полноты времен, что и подчеркивали Иоанн Златоуст, Августин, Ориген, Иларий, оба Кирилла.

Характерно, что незнание метафизического состава человека побудило современного богослова Ксавье Леона Дюфура свести этот богословский спор лишь к несовершенству языка, понятному очень немногим, а прочим... оставаться в неведении относительно сути проблемы. «Людам, не имеющим специального богословского образования и не искушенным в философии, остается непонятной внутренняя связь этих двух полярных утверждений, и в конце концов блаженное лицезрение Бога и воскресение представляются им двумя реальностями, арифметически слагаемыми и друг друга дополняющими» (50).

В околохристианской гностической среде до сих пор господствует убеждение о многократных жизнях (воплощениях) тонкого тела. Как известно, еще во времена языческой античности эта идея была широко распространена, в настоящее время она гальванизирована влиянием индуизма и буддизма и заражает некоторых христиан. Сегодня, правда, ей придан «гуманистический» вид: считается, что «предыдущие существования» были только в человеческом облике, тогда как общей идеей, как среди индуистов и буддистов, так и среди древних греков и римлян, было то, что «воплощение» в человека – редкости, большинство воплощается в животных, насекомых и даже растения.

Многие из тех, кто верит сегодня в «перевоплощения», считают, что этим хорошо объясняются многие несправедливости земной жизни, связанные с дурной «кармой» предыдущих «воплощений». Однако страдание за грехи и ошибки в другой жизни, которую человек абсолютно не помнит или за которую (если он «ранее» был животным) он не может нести ответственности, трудно считать удачным объяснением зла и несчастий в мире.

Но дело даже не в этом. Человек – триединство души, тонкого тела и тела. Они рождаются, живут, из-за греха Адама временно разделяются смертью первой, но в воскресении соединяются вновь. Никто из них не старше и не моложе. Все в ребенке детское, и душа, и тонкое тело, и тело, и после смерти он является ребенком (см. выше § 11). Поэтому и спасают в первую очередь жизнь новорожденного, а не матери. Она уже прожила какой-то относительно законченный цикл жизни, а ребенок только еще вступил в нее и имеет поэтому больше прав на жизнь.

Вот болезни и уродства физического тела относятся только к нему, как и ограниченные душевные способности некоторых физически здоровых людей. Не случайно энтелехия слепого человека зряча и все видит. Об этом говорит и «внетелесный опыт» людей, переживших клиническую смерть.

Такое понимание человека в корне исключает разные виды «эвтаназии» и даже изоляцию калек от физически нормальных людей. Энтелехия калек совсем не обязательно должна быть уродлива. Она может быть и более сильной и глубокой, чем у физически здоровых людей. И потому они имеют те же права на жизнь, что и физически нормальные люди. И если нам тяжело общаться с калеками, то в этом виновато наше несовершенство и недостаток человеколюбия.

И последний вывод из сказанного нами.

После смерти души грешников сходят в преисподнюю, т. е. в место преимущественного обитания падших духов. Несущественно сейчас – «тащат» их туда мытари-демоны или энтелехии сами влекут к тому, к чему стремились в жизни: к нечистоте, злу, лжи, порокам, гордости и т. д.

У многих людей естественное отвращение к аду странным образом трансформировалось в его отрицание и насмешки над ним. В особенности их смешит, что ад находится под землей. Но если для нейтрино земля – не препятствие, то тем более для «отделенной души». Грешные энтелехии и «сносятся» под землю, точнее, сквозь тонкую земную кору, в мантию к бесам или в земное ядро к демонам.

Не приходится отрицать, что там тесно, темно и жарко, и что нет худшего соседства, чем отъявленные грешники и нечистые духи.

Конечно, муки «отделенных душ» не такие, как цельного человека, но без сомнения, это настоящие терзания. И нет горшей муки как безнадежность – «червь неумирающий», – а она достается тем, кто разуверил свое окружение, своих родных и близких, что нет ада. У остальных грешников есть хоть надежда, что кто-то за них помолится и облегчит их участь, что молитвы Церкви скажутся – и в день Страшного суда их «амнистируют» и вернут к людям; для тех нет и этого.

Мы не просто ходим по земле, мы попираем ногами всех тех великих гордецов, которые отвращали людей от Бога и требовали поклонения себе. Сейчас все мы, живые, смотрим на них сверху вниз, и нас, даже самых последних, они видят лишь снизу.

Ну а те, кого они преследовали за веру во Христа, те – над нами, и мы взираем на них снизу, просим их молитв и заступничества перед Господом за наши прегрешения и надеемся, что после смерти наш загробный мир тоже будет там, хотя бы и в самых далеких от Бога обителях.

Примечания к главе IV

1. Цит. по книге архим. Киприана «Антропология свт. Григория Паламы», Париж, 1950, с. 222.
2. Цит. по сочинениям еп. Игнатия (Брянчанинова), т. 3, Аскетические опыты. СПб., 1905, с. 233.
3. Там же, с 77.
4. Там же, с 75.
5. Г. Флоровский, «Пути русского богословия», Париж, 1937, с. 394.
6. «Логос», №9-10, Париж, 1973, с. 2.
7. «Символ», №8, Париж, 1983, с. 78.
8. Г. Флоровский, указ. соч., с. 346.
9. Св. Иоанн Дамаскин, «Точное изложение православной веры», книга 2.
10. Еп. Игнатий (Брянчанинов), указ. соч., с. 203-204.
11. Цит. по книге П. Евдокимов, «Таинство любви», Париж, б/г, глава «Антропология», раздел «Литургическое призвание человека».
12. Прп. Иоанн Лествичник, «Лествица», Сергиев Посад, 1908, с. 125.
13. Еп. Игнатий (Брянчанинов), указ. соч., с. 23-24.
14. Там же, с. 12.
15. Там же, с. 19.
16. Там же, с. 22-23.
17. Там же, с. 20.
18. Там же, с. 32, 33, 34.
19. Там же, с. 10.
20. Архиеп. Лука (Войно-Ясенецкий), «О духе, душе и теле», Брюссель. 1978, с.

21. Там же, с. 123.
22. «Символ», № 8, Париж, 1982, с. 77.
23. Архиеп. Лука, указ. соч., с. 110.
24. Там же, с. 121-127.
25. Там же, с. 62.
26. Там же, с. 13.
27. Там же, с. 115-116.
28. «Символ», № 8, Париж, 1982, с. 80.
29. Мориц Роолингс, «По ту сторону дверей смерти», Лондон, 1979.
30. «Луг духовный», Свято-Троицкая Лавра, 1895, с. 18.
31. «Воспоминания доктора Владимира Петровича Седова о видении наяву святителя Московского и Коломенского Филарета осенью 1948 г. в гор. Москве».
32. Архиеп. Лука, указ. соч., с. 114.
33. Там же, с. 107-108.
34. Там же, с. 108.
35. Там же, с. 117.
38. Еп. Игнатий (Брянчанинов), указ. соч., с. 235.
39. Там же, с. 104-105.
40. Там же, с. 107.
41. Там же, с. 109-110.
- 41А. Там же, с. 45-46.
42. Мориц Роолингс, указ. соч., глава «Восхождение к небесам».
43. Там же.
44. Там же.
45. Там же.
46. Архиеп. Лука, указ. соч., с. 111.
47. Там же, с. 113-114.
48. Там же, с. 113-114.
49. «Логос», № 9-10, Париж, 1973, с. 2.
50. Там же, с. 4.